

КАТРИН

КОРР

азарт
поднимает...

18+

Его

настаиваю

девушка

Катрин Корр

Его настоящая девушка

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67720166

Аннотация

Зачем узнавать мужчину, с которым не собираешься строить настоящие отношения? Для чего углубляться в его жизнь, если связь с ним ограничивается особым договором и... постелью?

У Азалии есть четкий план на ближайшее будущее и откладывать его в долгий ящик она не собирается. Особенно ради мужчины. Но настойчивость Максима и завлекающий танец нежности его дерзкой натуры готово подтолкнуть Азалию к написанию новой для себя жизни, в которой обязательно есть место для настоящей любви. Правда, пока лишь в теории, ведь она не настолько глупа, чтобы потерять голову от комплиментов и ухаживаний. Да и знакомство с «родней» Максима порождает слишком много вопросов относительно его намерений. Поэтому и остается, что доверять только себе и прислушиваться к собственному сердцу. А оно, как известно, имеет огромную власть над разумом.

Содержание

1	4
2	23
3	32
4	44
5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Катрин Корр

Его настоящая девушка

1

Чем больше я наблюдаю за Максимом, тем сильнее убеждаюсь в его невероятной способности абстрагироваться от внешней действительности, в которой его «милая» тетушка из кожи вон лезет, дабы племянник обратил на нее внимание. Как на женщину. Сара довольно-таки хороша собой. На ней короткая теннисная юбочка, которая при каждом прыжке демонстрирует половинки ягодич, а те – упругие и твердые, как зеленые яблоки. Её ноги стройные и длинные, как у мировых топ-моделей. Не ошибусь, если скажу, что многие из её подруг, мечтают о таком же крепком и ухоженном теле, потому что ни одна из них с ней в этом плане не сравнится. Максим говорил, что у нее юбилей завтра. И сколько же? Пятьдесят? Или пятьдесят пять? В любом случае, выглядеть настолько подтянутой в этом возрасте – огромная и кропотливая работа. Да она же, как нестареющая Дженифер Лопес!

Им с Максимом удастся выиграть первый сет. Сара подходит к племяннику и опускает руки на его плечи, при этом мужское лицо по-прежнему остается безучастным и задумчивым. Мыслями Максим точно не здесь.

Что она говорит ему? Смеется, поправляет хвост на затылке, заманчиво отставив бедро. Поднимает ракетку и как бы в шутку тычет ею в живот Максима, будто бы он сказал что-то очень забавное. Я одна всё это вижу?

Меня отвлекает сладкий ванильный запах вперемешку с настойчивым цитрусом. Рядом садится рыжеволосая девушка, а всё её лицо усыпано веснушками, похожими на снежинки.

– Привет, – здоровается она, протянув мне руку. – Я Нелли. И я много болтаю, когда мне скучно.

– Привет, – улыбаюсь ей и отвечаю рукопожатием. – Азалия. Когда мне скучно, я предпочитаю слушать, а не говорить.

– Очень приятно. Кажется, мы подружимся, – смеется она. – Тоже не умеешь играть?

– Так заметно?

– Ну, как видишь, кто в этом хоть немного сечет, стоит в очереди на игру, а неумехи, вроде нас, сидят на трибунах и не понимают, какого черта должны здесь находиться!

– Что верно – то верно. – Начинается второй сет. Петр выкрикивает забавную кричалку, поддерживая супругу и племянника. – Нам не хватает плаката.

– Только не вздумай говорить об этом при Саре! – шикает Нелли с улыбкой. – Она помешана на играх и всё, что с ними связано.

– Я это уже заметила, – брякаю, демонстративно пощупав

ткань своей юбки. Поднимаю взгляд на Нелли. – А кем ты приходишься Саре?

– Никем, – смеется она. – Видишь вон ту женщину в ярко-красных кроссовках? Это моя мама. А она с волосатых годов дружит с Сарой. Таскает меня с собой по всем этим мероприятиям с тех пор, как они с папой развелись. Как будто в двадцать два года у меня нет личной жизни. Ты здесь тоже кого-то сопровождаешь поневоле?

– Максим пригласил, – пожимаю плечами. – Мы с ним... встречаемся.

– А-а! – улыбается девчонка. – Так это ты!

– «Я»?

– Когда у Максима появляется девушка, с которой он встречается дольше двух-трех дней, то это ого-го какое событие! В «курятнике» о тебе только и трещали.

– «Курятник»?

– Общий чат в WhatsApp, где общаются все эти золотые курочки, – кивает она в сторону Сары и её подруг. – Пару лет назад меня попросили помочь с созданием, потому что все эти технологии слишком сложны для людей среднего возраста, – хмыкает Нелли. – И я дала чату весьма красноречивое название, которое до сих пор всем не по вкусу. Но деваться им некуда, потому что администратор – я.

– Смешно, – поднимаю вверх большой палец.

– Не так, как то, о чем они там кудахчут. Надеюсь, у вас серьезно, – добавляет Нелли, устремив улыбчивый с хитрин-

кой взгляд на Максима. – Ты уже знакома с Олей?

Закатываю глаза, бросив взгляд в её сторону. Вместе с Лолой они наблюдают за игрой Максима и как обычно перешептываются. Смотрю на Сару: она замирает в выжидательном положении, держа ракетку двумя руками, потому что Артем собирается совершить подачу. Вот только её голова повернута к Максиму, будто глаза не желают выпускать его из виду.

– Ты ведь в курсе, что она тебя не переносит? – усмехается Нелли.

– Это сложно не заметить.

– Как и многие из присутствующих женщин, – добавляет она.

– И что я им сделала? – смотрю на Нелли.

– Как же! – смеется она. – Испоганила план, который они выстраивали несколько лет! Видишь ли, по их мнению союз Максима и Оли должен быть идеальным. Всякий раз, когда спрашиваю маму, каким местом они рожают эти идеи, она деликатно посылает меня восвояси. И дураку ясно, что Максим не переносит Олю, а у той просто сдвиг по фазе, потому что её уже много лет накачивают туфтой.

– Зачем они лезут в её жизнь?

– Ну, во-первых, Максим – выгодная партия. По всем параметрам. Мало того, что он востребованный специалист, которого всячески стараются переманить иностранцы, так ещё и наследство у него весьма внушительное. Стать женой

Максима Марта – мечта многих девушек! – смеется Нелли, стянув взлохмаченные волосы широкой резинкой. – Это как на Луну слетать и привезти на Землю её крошечный кусочек – нереально. Но возможно, – усмехается она. – А, во-вторых, браки, заключенные между давними друзьями, самые крепкие и продолжительные.

– Кто сказал?

Нелли хохочет.

– Сара!

– И как я сразу не додумалась!

Мои извилины напрягаются, потому что я уже где-то слышала эту фамилию. Глаза устремляются к Максиму, он как раз отбивает мяч, не оставив сопернику шансов.

– Кажется, вы встречаетесь пару месяцев или что-то вроде того?

Молча киваю. Я не спрашивала Максима о его жизни, семье и прошлом, потому что до сих пор считаю, что это не мое дело. Нас держит вместе только договор, а он не предусматривает вопросы о личной жизни. Только те, что окажутся нам полезны. Но его фамилия, не дает покоя. Я точно знаю, что уже слышала её где-то. Может в соцсетях видела или в новостях?

– Прошу прощения за любопытство, – хмыкает Нелли, повернувшись ко мне, – но каково это? – Смотрю на нее, не понимая, о чем речь. – Быть в отношениях с *таким* парнем?

Ещё чуть-чуть и я буду чувствовать себя душой.

– С «таким» – это каким?

– Я, конечно, не знаю, каким Максим видится тебе, учитывая симпатию и другие чувства. Если, конечно, они имеют место быть. Но я знаю его всю жизнь и, – улыбается Нелли, бросив взгляд в сторону, – ни за что не стала бы с таким мутить. Извини за эту грубость, – смеется она.

– Ради всего святого! – пытаюсь улыбаться, устав от этой беседы. – С «каким»?

– Бесчувственным! – шепотом отвечает Нелли и разводит руки в стороны. Она смотрит на меня так, словно я действительно тупица и не понимаю элементарных вещей. – А, впрочем... Знаешь, извини. О чем я вообще думаю, заводя разговор о парне с девушкой, которая находится с ним в романтических отношениях! Мы с тобой не подруги, но я веду себя так, словно мы уже лет сто дружим! Мне просто нечем заняться.

– Может, ты пытаешься втереться в мое доверие и выведать информацию о нас с Максимом для «курятника»? – улыбаюсь я.

– Пф! Я буду последним человеком на земле, кто станет подбрасывать в их кормушку сплетни!

– Значит, – оглядываю я её, – эти вопросы – действительно любопытство и только?

Нелли коротко вздыхает и поднимает синие глаза к такому же синему небу. Почему-то я ей верю. Смешно и глупо, но даже больше, чем Максиму, которого знаю чуть меньше

недели.

– Почему ты считаешь Максима бесчувственным? – спрашиваю я.

– Когда я была маленькой, он ужасно пугал меня, – шепчет Нелли, поглядывая в его сторону. – Честно тебе говорю! Я боялась его, потому что он всегда смотрел так, словно вот-вот и сожрет. Но, чем старше я становилась, тем понятнее для меня становился и Максим. Он бесчувственный, – едва слышно заключает она, чуть наклонившись ко мне. – И сожрать меня никогда не хотел. Просто он такой. Я ведь очень эмоциональная, а он, как хмурое облако, которое замерло над головой и даже ураган не способен его подвинуть.

– Ты что, была влюблена в него? – смеюсь я.

– Боже упаси! – отмахивается Нелли, закатив глаза. – Я понимаю, как нелепо звучат мои слова. Ты просто под кайфом любви и не в силах понять, что я пытаюсь сказать.

– А что ты пытаешься сказать? Извини, но я не понимаю. Ты как-то завуалировано ходишь вокруг да около. Говори прямо, как есть.

– Я и сказала, – усмехается Нелли. – Максим бесчувственный, потому что... У него как будто нет сердца. – Они с Артемом сговорились что ли? Про сердца речи толкать. – То есть, оно, конечно, есть, просто человечности в нем не так много. Разве ты не замечала, каким безразличным и холодным бывает его взгляд?

– У всех людей он есть.

– Да, но не настолько, что мурашки по спине пробегают.

– У меня точно нет! Слушай, – смеюсь я, – серьезно, не понимаю, о чем ты вообще! Максим – обыкновенный человек, который бывает порой и злым, и недовольным, и холодным, и...

– О! – снова хохочет Нелли. – Максим Март уж точно НЕ обыкновенный человек. Но уже то, что он встречается с действительно хорошенькой и здравомыслящей девушкой целых два месяца, говорит о его значительных переменах. Надеюсь, это не игра, – прыскает она. – Потому что мужику уже достаточно лет, чтобы заниматься подростковыми глупостями.

– О чем ты? – пытаюсь я улыбнуться.

В моей голове овсяная каша, причем переваренная.

Нелли набирает ртом воздух и отворачивается, будто жалеет, что ляпнула лишнее.

– Только посмотри! – говорит она. – Приехали Кузьмины! Так, по секрету: Сара и Маргарита не выносят друг друга и вынуждены улыбаться, потому что их мужья – лучшие друзья. А вообще, если приглядеться, то можно заметить влюбленные глаза Петра. Маргарита точно ему нравится.

– Нелли, – обращаюсь к ней, – что значит «надеюсь, что это не игра»?

– Говорила же, что я болтушка! – закатывает она глаза. – Ничего такого. Просто мысли вслух. Здравствуйте, тетя Маргарита!

– Нелли? – Клянусь богом, эта девчонка точно доведет меня. – Не отвлекайся! Что значат твои слова?

Уже то, что эта девчонка с опаской озирается по сторонам, настораживает. Нелли тихонько вздыхает, будто понимает, что не должна говорить мне многого, но у истинных болтушек сила воли достаточно хиленькая.

– Максим азартный. Игрок, – кивает она и поджигает губы. – По крайней мере, был им раньше.

– У тебя такая интонация голоса, словно его игры какие-то жуткие и опасные, как в фильмах ужасов, – нервно хмыкаю я.

К нам подходят те самые Кузьмины, с которыми меня знакомит Нелли. Кто здесь и может составить конкуренцию Саре – так это Маргарита. Неудивительно, почему именинница её не переносит. В улыбке этой обаятельной женщины столько искренности, что я невольно чувствую потребность пропустить с ней пару стаканчиков и немного посплетничать. А ещё у нее смачные и сексуальные бедра. В отличие от ледяной и каменной Сары она горячая и мягкая, как подушка, с которой хочется обниматься.

Когда Олег, её муж, уходит, чтобы поздороваться с остальными, Нелли подскакивает на ноги. Сославшись на жажду, она спешит к бару, чтобы выпить воды, хотя я думаю, что эта девчонка нарочно уходит, чтобы я снова не надела на нее с вопросами. Вообще-то её слова действительно не дают мне покоя.

– Что ж, меняемся местами, – улыбается Маргарита и садится рядом со мной. Её парфюм дорогой и женственный, а бронзовая кожа буквально светится на солнце. – Не играешь?

– Точно нет. Я бы лучше зависла в баре и выпила виски. Это я точно делать умею.

Маргарита смеется, и я замечаю крошечный камешек на белоснежном клыке. Наверняка бриллиант.

– Жаль я пропустила игру в гольф. Хотелось бы мне увидеть лицо Сары, когда Максим представил вас друг другу. Ты наверняка «запала ей в душу».

– Можете не сомневаться, – смеюсь я.

Маргарита смотрит на меня с улыбкой.

– Нравятся мне такие девушки, как ты. Свободные, уверенные, в меру скромные. У Максима отличный вкус. В этом я точно никогда не сомневалась.

Теперь на нее смотрю я.

– Не все так считают.

– А тебе есть до их мнения какое-то дело? – поднимает она бровь.

– Нет, но мне многое любопытно.

– Например?

Сара снова громко вскрикивает, ударяя ракеткой по мячу.

– Это, – киваю я в её сторону. – Я ведь не одна слышу стон?

– Нет, не одна. Сара влюблена в Максима с тех пор, как

ему исполнилось шестнадцать.

– О, мой бог! Она же его тетя, – закатываю я глаза.

– Кровных связей у них нет. Это Петр его родной дядя, а Сара автоматически стала теткой.

– Какая разница? Это же... мерзко.

– Согласна. В любом случае, Максиму прекрасно удастся не замечать этой грязной симпатии. Только посмотри, она ведь из кожи вон лезет, какую юбку короткую нацепила, а он ноль внимания.

– Она влюблена в Максима, ненавидит меня, зато стремится свести его со своей крестницей. Неужели Оля настолько слепа, чтобы не увидеть эту глубокую привязанность к племяннику?

– Сара хочет свести их, чтобы Максим навсегда остался в семье. Девушка со стороны может отдалить его от всех. В честности, от Сары.

– Вы серьезно?

– Вполне. Оля мнимая, послушная и редко когда думает собственной головой. Её легко контролировать. К тому же, я больше, чем уверена, что Сара снова в игре.

Не знаю, почему, но у меня вдруг начинает першить в горле. Мой взгляд устремляется к Максиму, который вновь резко замахивается и отбивает мяч.

– Что вы имеете в виду?

– У Сары есть одна слабость, которую никогда не понимал её муж. – Маргарита заправляет шнурки внутрь кроссовок

и полушепотом говорит: – Она обожает устраивать пари. На деньги. Причем большие.

– В чем они заключаются?

– В самых разных глупостях. Я принимала участие лишь однажды и, к сожалению, проиграла. В очередной раз Сара решила прихвастнуть и сказала, что для её обожаемого и любимого мужа нет ничего невозможного. И я с дуру ляпнула первое, что пришло в голову: раз так, значит он вполне способен построить огромный гольф-клуб и развить в нашем мегаполисе любовь к этому виду спорта. Причем, на тот момент сам Петр вообще ничего о нем не знал. Сара вцепилась, как клещ, в эту идею, а я ничуть не сомневалась, что Петр не станет со всем этим связываться. Он не такой человек, чтобы вложить огромные деньги в бизнес, который ему не знаком. Но, – усмехается Маргарита и бросает взгляд на мужа Сары, – он сделал это. Я проиграла. Олегу сказать не могла и продала кое-что из своих драгоценностей, чтобы выплатить долг Саре. Глупый и бессмысленный спор лишил меня четырех миллионов.

– Сколько?! – шепотом выкрикиваю я. – Обалдеть, какие у вас... ставки. Но как ей удалось убедить в этом мужа? Там ведь огромная территория, гостиница, магазины... И гольф это же... Это не футбол.

– Да, – кивает Маргарита, – денег туда вложено достаточно.

– Чтобы личный город построить, – закатываю я глаза. –

Обалдеть! Как она сделала это?

– Сара азартная и готова на многое, чтобы одержать победу. Я даже думаю, что в свое время она и замуж за Петра вышла, потому что поспорила с одной из своих подруг. – Она замечает мой недоверчивый взгляд. – Ну, и мне, разумеется, насолить. Думаешь, это слишком?

– Гадко.

– Самое то для Сары, – хмыкает Маргарита. – Будь с ней осторожна. Богатые люди бывают сущими безумцами, лишенными каких-либо чувств. Кроме жажды наживы.

– Так... Вы думаете, что Сара вновь поспорила с кем-то из своих подруг, что ей удастся свести Олю и Максима? – Мне смешно, но я как могу стараюсь сохранить серьезность. – Правильно ли я вас поняла?

– Более чем. – Маргарита задерживает на мне изучающий взгляд. – И не стоит её недооценивать.

* * *

«Бесчувственный».

Это слово заедает во мне, как дурацкая песня, которую без конца мусолят радиостанции. И оно касается не только Максима, а в целом всей этой сомнительной тусовки.

Пари на четыре миллиона – безумие! Если из таких идиотских игр и рождается успешный бизнес, то мне он точно не светит, потому что я ни за что не поставлю на кон столь-

ко денег. Во-первых, у меня их нет. А, во-вторых, это удел снобов, а мне с ними не по пути.

Нелли сказала, что Максим азартен, и выразила надежду, что он больше не занимается «подростковыми глупостями».

Маргарита сказала, что Сара азартна и любит играть.

Что значит «игра» для этого семейства?

Теннис? Гольф? Карты? Или пари?

На спор выйти замуж, чтобы утереть нос подруге и зарабатывать деньги? А потом сподвигнуть мужа к созданию весьма сомнительного бизнеса, который требует миллионы и миллионы?

«Надеюсь, это не игра».

И что это значит?

Максим отдает ракетку Олегу Кузьмину и пожимает ему руку в знак приветствия. Когда он уверенно направляется в мою сторону, я вдруг ловлю себя на мысли, что пытаюсь поймать в мужском взгляде ту самую тень бесчувственности. Мне сложно понять, что это значит и как оно проявляется, но, когда серые глаза совершают ловкий забег в сторону, длящийся не больше пары секунд, привлекательное лицо Максима будто холодеет. В мысли моментально врывается воспоминание о нашей первой с ним встрече. Я была настолько взбешена теми звонками из банков и собственной беспомощностью, что выплескивала на Максима скопившийся во мне негатив, не видя и не слыша ничего вокруг.

«Ты сбил меня! На своей гребаной тачке, урод!»

«Слушай, я признаю, что не прав. Ясно? Я не увидел тебя, потому что не привык, когда в машине нет кам...»

«Ты мог убить меня, чучело!»

«Кто? Ты назвала меня «чучелом»?»

«Это ещё нежно! Только посмотри, что ты наделал, кретин?! Да какого же гребаного черта со мной происходит?!»

«Судя по твоему поведению, ты этого заслужила!»

Его взгляд. Всё дело в его взгляде, в котором не было ни толики сожаления и даже недоумения. Единственное, что мои грубости и поведение в целом вызывали в нем злорадство, приправленное ленивым наблюдением. Как будто я была для него экспериментальной мышкой, у которой посинели уши и хвост покрылся рыбьей чешуей.

– Здравствуй, Максим! – здоровается с ним Маргарита, поднявшись на ноги. Они обнимаются, а мои мысли всё ещё блуждают на той парковке у торгового центра. – Отлично выглядишь. Лучше, чем когда-либо. Полагаю, это заслуга Азалии, – растягивается Маргарита в приятной улыбке.

– Определенно, – отвечает Максим с такой... Черт возьми, бесчувственностью!

Она, как пыльца: в его улыбке, во взгляде, в движениях, потому что всё, что Максим демонстрирует сейчас – фальшь. Игра, театр, показуха. И я знала обо всем этом, потому что и сама делаю то же самое. Просто теперь вдруг черствость его личности стала более заметна моему взгляду.

– Хочешь сыграть? – спрашивает он меня.

– Не имею бешеного желания.

– Тогда пойдем? Нам ещё нужно переселиться в другое бунгало.

– А что с вашим не так? – интересуется Маргарита.

– Вид не тот, – отвечает Максим и берет меня за руку. Ему явно не хочется здесь находиться. – Ещё увидимся.

– Разумеется, – с подозрением улыбается ему Маргарита, а потом по-дружески подмигивает мне, мол, мы ещё поговорим.

Невольно оборачиваюсь, когда мы поднимаемся вверх по тропинке. Сара пьет ледяной напиток в прозрачном пластиковом стакане и смотрит на нас, точно акула, жаждущая мяса и крови. Напоминаю себе, что она делала то же самое, когда Максим впервые познакомил нас, и тогда этот взгляд по-настоящему забавлял меня. Почему же теперь это вдруг стало напрягать?

– О чем ты говорила с Маргаритой? – спрашивает Максим.

– О чем могут говорить люди, которые только что познакомились? – стараюсь я улыбнуться.

– Я и спрашиваю, – бросает он с раздражением. Да так, будто у меня нет мозгов.

– Ты что, не умеешь достойно проигрывать? – хмыкаю я, имея в виду игру в теннис.

Но Максим вдруг крепко сжимает мою руку и вынуждает остановиться. Его глаза с необъяснимой для меня жестоко-

стью оцарапывают мое лицо. И длится это не больше трех секунд, после чего мужской взгляд расслабляется, будто его хозяин напоминает себе, что ему необходимо вести себя чуть-чуть мягче. Я это вижу так же четко, как если бы передо мной был холст и я рисовала на нем яркими красками.

– Проголодалась? – спрашивает он, как ни в чем не бывало. – Можем пообедать на веранде здешнего ресторана. Что скажешь?

Молча киваю, не в силах избавить свою голову от вопросов, охвативших мой разум. В сущности, я даже не знаю, о чем именно думаю и что конкретно вызывает во мне странные опасения. В ушах до сих пор отдаются эхом слова Нелли и Маргариты, и мне пока очень сложно понять причину, по которой они мне так... не нравятся.

– Овощной салат с сыром, пожалуйста, и лимонад, – делаю я заказ, бегло пробежав глазами по внушительному меню.

– Это весь твой обед? – поднимет Максим правую бровь. Молча киваю и отдаю официанту меню. – Добавьте к нему тост с авокадо, соленой семгой и яйцом пашот, – отдает он команду настолько холодным тоном, что я невольно... Нет! Вот ещё! Его боится Нелли, но не я. – А мне...

– Не слушайте его, – заявляю я, улыбнувшись официанту. – Мне только овощной салат и лимонад.

Максим поджимает губы, а потом выдавливая настолько раздражительную улыбку, что я в очередной раз не сдерживаюсь:

– Привыкай, что не всё в этом мире готово тебе подчиняться. Знаю, сложно, но, поверь, осталось совсем немного.

Максим смотрит на меня, будто повторяя себе, что ему необходимо держать себя в руках, поскольку... Увожу взгляд в сторону, боясь, что он может добраться до моих мыслей. Потому что только что в них промелькнула одна из недостающих частиц целой картины происходящего. И я её не успела поймать.

– Тост с авокадо, соленой семгой и яйцом пашот, – повторяет Максим теперь свой заказ. – И простую холодную воду. Его «спасибо», «пожалуйста» где-то затерялись.

– А я надеялся, что ты засунула подальше свой невозможный характер.

– Разве что после тебя.

Наши взгляды сплетаются, как пальцы.

– Почему у тебя так резко изменилось настроение? Если бы я не знала тебя, то решила, что причина твоей вспыхнувшей, но притаившейся злости... – Смеюсь, собственным мыслям. Потому что они нелепы. – В том, что даже ты, при всей своей привлекательности и редких, но всё же плюсах, не способен стать тем, ради кого я разрушу свой мир до основания и построю новый. Проще говоря, я бы решила, что твое раздутое эго травмировано и на время нуждается в инвалидной коляске.

Максим плавно склоняет на бок голову, не сводя с меня пристальных глаз. Сейчас он похож на тигра, приготовивше-

гося к нападению.

– Разве ты так уж хорошо знаешь меня?

– Я и не говорила, что «хорошо». Но достаточно, чтобы понимать, с кем имею дело.

Он улыбается. Сардонически, дружелюбно – не понимаю. Определить точно мешает его взгляд, который изучает меня с невероятно напряженной медлительностью.

– А если бы я сказал, что ты права? И меня действительно задела твои слова.

Не сдерживаюсь. Его серьезность – напускная или искренняя, нервирует. А мой смех – лишь защитная реакция, потому что я действительно запуталась.

– Я бы не удивилась, – согласно киваю. – Потому что ты не привык, когда девушкам на тебя наплевать.

– Потому что ты действительно нравишься мне, – говорит Максим настолько твердым и бескомпромиссным голосом, что я чувствую... как по спине пробегают мурашки. От волнения. Или внезапной смены его тона. Или взгляда, который способен пробить бетонные стены. – Если бы ты хоть немного знала меня, тебя бы здесь уже не было. Потому что я именно тот, кто разрушит твой прежний мир до основания и построит новый. Сопrotивляйся. Борись за свои мнимые и глупые принципы. Только помни, что сила действия равна силе противодействия. Полагаю, дальнейшие объяснения излишни.

Официант приносит заказ и не получает в ответ ни от одного из нас слов благодарности. Как ни в чем не бывало, Максим берет столовые приборы и начинает нарезать на ровные кусочки свой тост, будто бы несколько минут назад мы обсуждали магнитные бури и их влияние на человека.

– Приятного аппетита, голубки! – Артем останавливается возле нашего столика. – Не против, если я составлю вам компанию? Одному обедать будет чертовски скучно.

Выдавливаю улыбку, киваю, потому что всё ещё не могу прийти в себя. Когда Максим заявил о своей симпатии в бунгало, я рассмеялась. Его обманчивый взгляд, натужная улыбка и слова, произносимые таким голосом, будто они и сами не желают появляться в этой действительности, – абсолютно всё указывало на ложь. Чтобы у меня отвис язык, потекла слюна и я отдалась ему без лишних забот. Как это, вероятно, делают многие его девушки. Но теперь же Максим серьезен на все... девяносто девять процентов, а его несокрушимую уверенность в себе можно черпать ложечкой для мороженого – настолько она очевидна.

– Мне, пожалуйста, грибной крем-суп, драники и салат, как у этой очаровательной девушки, – делает заказ Артем, улыбаясь мне. – Как тебе здешние развлечения? Гляжу, теннис пока не зашел?

– Точно нет, – стараюсь я улыбаться. Аппетит пропал, а желание сбежать отсюда слишком велико. – Чем ещё здесь можно заняться?

– Бадминтон любишь?

– Пожалуй, главная игра моего детства.

– Ого! – смеется Артем. – Значит и в ней у нас нет шансов победить тебя. Макс, а какая у нас была любимая игра в детстве? Футбол? Или шахматы?

Чувствую себя лишней. Такое случается, когда хотя бы двое в компании обмениваются смешками и косыми взглядами, будто никому больше не понять их молчаливо обсуждаемые секреты.

– Я не помню, – отвечает Максим, потянувшись за стаканом воды. При этом его ухмылка настолько веселящаяся, что мне вдруг становится... неприятно. По-человечески. Потому что многое в Максиме противоречит его словам. Не знаю, как связано его явное высокомерие в сардонической ухмылке с тем, что пять минут назад он сказал мне, но я чувствую себя обманутой. Чертовщина какая-то. – Хочешь попробовать? – спрашивает он меня, протянув вилку с кусочком тоста.

Наши взгляды встречаются. К нашему столику подходят Оля и Лола. Я знаю это, потому что слышу их голоса, но мои глаза по-прежнему следят за такими же выжидающими глазами Максима. Он что, решил посоревноваться со мной в битве взглядов? Кто первым моргнет? Кто первым уведет его

в сторону? Кто первым улыбнется?

– Официант! – громко зовет Оля. – Принесите нам ещё один стул!

– Как же здесь жарко! – вздыхает Лола, сев рядом со мной. – Я на корт больше ни ногой! Выпью коктейль и пойду в бассейн. Максим? С тобой всё в порядке?

– Разумеется, – отвечает он с улыбкой, но продолжает смотреть мне в глаза.

– О! Вот она! – хлопает в ладоши Артем. – Игра нашего детства! «Битва взглядов». Слышала о такой? – спрашивает он меня.

– У нее глаза сейчас из орбит выпадут, – прыскает Лола. – Конечно, она о ней слышала.

«Надеюсь, это не игра» – вновь слышу слова рыжеволосой Нелли.

– И часто вы с Максимом играли? – спрашиваю я, глянув на Артема. Накальываю на вилку кусочек огурца с листочком салата и отправляю в рот. – В *эту* игру.

– Если что, ты сейчас проиграла! – улыбается мне Артем.

– Если что, я и не играла. Так, часто играли? – повторяю я свой вопрос, убирая в сторону бусины кукурузы. Терпеть её не могу.

– Постоянно! – с фырканием отвечает мне Лола.

«Максим Март уж точно не обыкновенный человек».

Оля садится с торца стола, чтобы иметь возможность видеть нас всех, хотя возле Лолы и Артема есть достаточно сво-

бодного места.

Что именно значат слова Нелли? Неужели, Максим не впервой платит девушке за видимость романтических отношений? Допустим это так, то откуда же ей об этом известно, если даже его лучший друг не в курсе? Или в курсе? Поднимаю глаза на Артема, которому приносят заказ. Как и у Максима, его настроение и тени меняются на глазах. То он забавный и свой парень, то упрямый и скользкий жук, который делает вид, что не кусается, хотя на самом деле может ужалить так, что придется вызывать скорую помощь.

Именно такой и Максим сейчас. Сложно поверить, что ещё вчера утром он вел безобидные беседы с семилетней девочкой и любезно приглашал её поплавать в своем бассейне. Появись Роза перед ним сейчас, Максим бы явно отбил у нее всякое желание что-либо обсуждать. Не говоря уже о том, чтобы попроситься поплавать.

– Кстати! – оглядывает нас Артем. – В следующую субботу мы отмечаем праздник.

– Какой ещё праздник? – фыркает Оля.

– Как же? – мужская улыбка становится ещё шире и... тревожнее для меня. – Максим и Азалия живут вместе! Это нужно отметить. Мы уже договорились. К тому же, интересно посмотреть, как изменился дом нашего в недавнем прошлом «закоренелого» холостяка с появлением нежной и очаровательной девушки.

Неужто Артем не верит нам и старается найти доказатель-

ство нашей лжи? С другой стороны, они с Максимом лучшие друзья, так почему же между ними есть эта тайна?

Или нет никакой тайны и Артем такой, какой есть на самом деле?

Черт, а какой он на самом деле?

Какой Максим? И почему он не объяснит всё как есть своему другу, чтобы тот не вынуждал нас делать то, чего мы не хотим? Я, например, не горю желанием делать вид, что мы живем вместе! И Максим тоже. Наверное.

«Потому что ты действительно нравишься мне».

Как же раскалывается голова от всего этого бреда! Здесь чего-то не хватает, я чувствую кожей этот огромный и жирный пробел!

– Чем занимаются твои родители, Азалия? – спрашивает меня Лола. Поворачиваю к ней голову и оглядываю с демонстративной медлительностью. – Мои, например, основали огромную и известную во всем мире компанию, которой сейчас управляет Артем. Телефоны, планшеты, компьютеры и всякие-всякие технологии, без которых невозможно обойтись человеку в наше время.

– Они молодцы, – улыбаюсь я, не сводя с нее глаз. – Только я не поняла, зачем ты рассказываешь мне об этом, если деятельность ваших с Артемом родителей меня никак не интересовала?

– Мы тебя плохо знаем. А яблочко от яблоньки недалеко падает.

Из-за головной боли я не могу дать грубый и остроумный ответ. Такой, чтобы больше ко мне и не думала лезть.

– Наверное, я перегрелась на солнце, – говорю с натужной улыбкой, оглядывая всех. – Вернусь в бунгало, если вы не против.

– Очень даже не против, – произносит Оля, бросая взгляд в сторону. Будто бы не она это сейчас ляпнула.

– Азалия, всё в порядке? – спрашивает Максим, поднявшись со мной.

– Да. – Задвигаю стул, чтобы никому не мешал. – Оставайся, не иди со мной.

– Как я могу остаться? – смотрит он в мои глаза и улыбается так... притягательно. – Здесь и без тебя?

Что за чертовщина со мной происходит?! Неужто я действительно близка к солнечному удару? Максим так улыбается мне, словно в этом мире нет ничего более прекрасного, чем я.

Вот так актер! Bravo! Даже я верю в его симпатию!

– Увидимся вечером, – говорит всем Максим и обходит стол. Он берет меня за руку, и мы вместе покидаем веранду ресторана. – Что случилось?

Я злюсь.

Я недоумеваю.

Я растерянна.

– У меня болит голова. – Обнимаю себя руками и прохожу вперед. – Тебе необязательно было идти со мной. Я же

сказала.

– Почему у тебя болит голова?

– Потому что я – человек. И такое случается.

– Азалия, я сделал что-то не так? Или это и есть «предменструальный синдром»?

Резко останавливаюсь, оглядев расстилающийся впереди бассейн. Разворачиваюсь на пятках и смеряю Максима самым возмущенным взглядом.

– Объясни мне, – говорит он спокойно. – Просто я не понимаю.

– Я тоже ничего не понимаю, Максим. Это из-за того, что мы занимались сексом?

– Что именно?

– Или ты просто такой... чудной и странный? От природы? С рождения, я не знаю!

– Тебя что, напугали мои слова? – улыбается он. – Я сказал правду. Ты действительно нравишься мне и я не намерен мириться и соглашаться с твоими принципами и установками.

Опускаю ладонь на лоб, издав нервный смешок.

– Это был просто секс!

– При чем здесь секс? Ты понравилась мне задолго до него, уж поверь.

– «Задолго»? – хохочу я. – Это за сколько же, если мы знакомы неделю?!

– А ты думаешь, что для этого требуются месяцы? – усме-

хается Максим, пнув ногой камешек. – Послушай, я ведь ничего от тебя не требую. Я честно сказал, что испытываю к тебе.

– Но это же неправда!

– Это твоё мнение. Даже если я миллион раз скажу, что ты ошибаешься, ты всё равно будешь думать так же. Тебе просто нужно время.

– Для чего? – бросаю я резче, чем хотелось.

Его улыбка соблазняет. Она, как кубик сахара, который медленно тает от капли горячего чая. Максим подходит ко мне вплотную и нежно обхватывает пальцами мой подбородок. Хочу противиться, сбросить его руку, но серые глаза такие теплые и осторожные, что я не могу даже воздух втянуть.

– Первое, что я увидел в тебе, оказалось ложью, – произносит Максим. – Ты вовсе не грубая. Не дикая. Не капризная. Не сумасшедшая, – улыбается он. – Ты совсем не такая, какой хочешь казаться. Присмотрись. Может и я не так уж плох, как тебе кажется?

– Как хорошо, что я вас нашел! – раздаётся голос Петра. Он хлопает Максима по плечу и с довольной улыбкой объявляет: – С вашим бунгалом я всё решил! Оставалось только одно сводное и оно рядом с нашим!

Счастья полные штаны.

– Отлично, – выдавливает улыбку Максим. – Спасибо, дядя.

– Ещё раз извините за это недоразумение. Подойдите на

ресепшн и заберите новый ключ. А в качестве извинений примите от нас с Сарой скромный подарок. Оказалось, что здесь есть ресторан для влюбленных, представляете? – улыбается он. – Попасть туда крайне сложно, поскольку там всего один столик и очередь ого-го какая! Но я всё решил! – гордо заявляет мужчина. – Находится он под открытым небом. Короче говоря, сегодня вы проведете ужин вдвоем! Правда ведь, замечательно?

Новое бунгало намного просторнее предыдущего, а двуспальный матрас утоплен в нишу на высоком подиуме. Смотрю на эту «кровать» и никак не могу определиться: нравится ли мне, что нам с Максимом придется спать вместе или нет? Потому что пару часов назад мой ответ был более, чем очевиден, ведь я, поддавшись сладостям плотских утех, планировала продолжать радовать свою физическую составляющую, пока это ещё возможно. А теперь... даже не знаю.

Почему я так растеряна, а мое поведение подстать четырнадцатилетней девчонке, впервые увидевшей кадр из порно? Что ж, причин слишком много, чтобы я могла все их перечислить.

– Азалия! – раздается голос Маргариты. – Я встретила Максима на улице, и он сказал, что я найду тебя здесь. Девочки собираются в спа! Ты ведь присоединишься к нам?

– Да, с радостью.

– Что-то случилось? Не понравилось новое бунгало?

– Нет, всё в порядке. Оно даже больше, чем... – невольно бросаю взгляд на кровать. – Предыдущее.

– Наше с Олегом бунгало напротив вашего, – сообщает Маргарита с улыбкой. – Пойду переоденусь. Встретимся минут через десять?

– Да. Сделаю то же самое.

Только она разворачивается, чтобы уйти, как в бунгало возвращается Максим. Они с Маргаритой обмениваются молчаливыми улыбками, и он закрывает за ней дверь.

– Ты уже устроилась? – спрашивает он меня.

– Я вошла сюда пять минут назад. Сам как думаешь?

Издав продолжительный и терпеливый вздох, он снимает футболку и уходит в душ. Слышу, как льется вода, и бегло переодеваюсь в шорты и вязаную майку из натурального льна, а купальник и сменное белье бросаю в плетеную сумку. Набросив на голову шляпку, выхожу из бунгало, надеясь, что Маргарита не заставит себя долго ждать. Потому что мне не очень хочется снова встречаться с Максимом и искать веский повод, чтобы нагрубить ему. Ведь поддерживать негативные отношения намного проще во всех смыслах! Они у нас изначально были такими, следовательно, никому из нас они бы никогда не доставили неприятностей. Но, когда меняется их структура и оттенок, всё усложняется. Максим слишком привлекательный, чтобы этого можно было не замечать, но мы познакомились при весьма неприятных обстоятельствах и это было для меня своего рода барьером.

«Да, красавец! Состоятельный и далеко не дурак. Но он мало того, что сбил тебя на машине, так ещё и не удосужился извиниться!» – повторяю я себе всякий раз, когда желание перешагнуть этот барьер становится слишком заманчивым. Нелепые попытки, знаю. Да и в той ситуации я сама повела себя не лучшим образом. Мне ещё повезло, что я действи-

тельно не получила по шапке за раздавленные очки и грубости, которые лились из меня рекой.

«Сбил? И что? Жива ведь, здорова! За эти дни ты узнала его получше. У тебя тоже есть минусы и весьма внушительные, но плюсов-то больше. Вас мало что отличает друг от друга. Да и целуется он сказочно» – говорит мне мой же голос в моей голове, которым только руковожу не я.

– Я готова! – возвращает меня на землю Маргарита. На ней длинный черный халат для пляжа, плетеная сумка и сверкающие в стразах вьетнамки. – Только не говори, что ты давно меня ждешь? Я торопилась, как могла.

Отрицательно качаю головой. Мы поднимаемся вверх по узкой тропинке к зданию в форме полукруга с чистейшими голубыми стеклами. Должно быть, их каждый день натирают.

– Ты мне нравишься, – вдруг говорит Маргарита. – Видно, что дружишь с головой.

– Я бы не была так уверена. – Мы смеемся. – А здесь много тех, кто не в ладах со своими мыслями?

– Пф! Каждый второй.

– И куда я попала! – улыбаюсь. – Да ладно, я и сама не далеко ушла.

– Уверена, – улыбается она, глянув на меня, – это понимание к тебе снизошло после встречи с Максимом.

С ответом я не спешу. В мысли врывается его красивое обнаженное тело и фраза, которую за сегодня он произнес уже несколько раз, но только последний всколыхнул мой мир.

– Он тебе сразу понравился? – вдруг спрашивает Маргарита.

– Точно нет, – усмехаюсь я.

– Это хорошо. В первую очередь, женщина обращает внимание на наличие ума. Мужчина обязательно должен быть умным! Это не только вложение в свое будущее, но и...

– Это сексуально, – улыбаюсь я.

– Верно, – кивает Маргарита, замедлив шаг. – А в Максиме, как ты явно успела заметить, всего поровну. Молоденькие девушки видят в нем красивого принца на белом коне. Взрослые женщины – молодого и сексуального партнера, способного удивить и порадовать их в постели. И те и другие игнорируют наличие острого ума, ведясь на чудесную картинку. А кого видишь ты?

– Он всегда разный, – отвечаю я честно, бросив взгляд на играющих детей за низеньким белым заборчиком. – Но я точно не вижу в нем принца на белом коне. Для него Максим слишком... суров что ли.

– Жесток, – исправляет Маргарита. Я смотрю на нее. – Думаю, именно это и привлекает в нем Сару. Не внешность, а идеальное сочетание изворотливого, наблюдательного, гибкого ума и жестокого хладнокровия. Это даже звучит сексуально, но по большей части весьма угрожающе. Часто задумываюсь, каким бы он был сейчас, если бы его воспитанием занимался не сухой и расчетливый дед, который лишь изредка позволял Петру принимать в этом хоть какое-то участие.

Иду молча, поедаемая изнутри сотнями вопросов. Я не могу поддержать этот разговор, потому что ничего не знаю о Максиме.

— Когда Максиму был год, его родители попали в аварию. Старший брат Петра — Матвей и очаровательная Натали. Чудесная была пара, хоть в их будущее никто и не верил, потому что они постоянно ругались, сходились, расходились. Но ведь у всех так, разве нет?

— Зачем вы рассказываете мне об этом?

Маргарита останавливается в нескольких метрах от голубых стеклянных дверей.

— Потому что ты должна понимать, что единственной женщиной в детстве и юности Максима, была Сара. Его тетя, — как бы напоминает она. — Сомневаюсь, что он был окружен теплом, заботой и нежностью. Ведь иначе Максим бы не был таким, как ты говоришь, *суровым*.

— Но вы сказали *жестоким*, — упрямо смотрю я на нее. — Что вы имеете в виду?

— Натали была моей лучшей подругой, — улыбка Маргариты пропитана глубокой тоской. — Я встречалась с Петром, а она вышла замуж за его старшего брата. А потом вдруг появилась Сара — красавица-дочь успешных предпринимателей. В моей семье не вертелись большие деньги. Папа учитель химии, а мама библиотекарь. Григорий Март не позволил своему младшему сыну жениться на простолюдинке, — хмыкает она. — И Натали не была из богатой семьи, но Мат-

вей никогда и никого не слушал. Упрямый, дерзкий, целеустремленный и по уши влюбленный в одну единственную. Ему было всё равно, чего хочет его отец. Максим похож на него. И внешне и непробиваемым характером. Но он лишен тепла, которым способна окружить только мама. Другими словами, самая первая в его жизни женщина. Понимаешь, о чем я?

Мои губы трогает слабая улыбка.

– Ею была Сара, – произношу я, стараясь понять, что она имеет в виду. – Дед – властный мужик с жестким характером, дядя – мягкосердечная тряпочка, а тетя – ледяная и расчетливая статуя с причудами. Максим впитал в себя всё самое холодное, что есть у его родственников, – заключаю я. – Разве что дядю обошел стороной. Но вы так и не ответили на мой вопрос.

– В Максиме есть много хорошего, но оно прячется под тяжелой и огрубелой почвой жесткости, неумении сочувствовать, расчетливости, – кивает она, как бы соглашаясь с моими словами, – и бесчувственности. Хочешь узнать, какие сокровища прячутся под всем этим дерьмом, вооружайся крепкой лопатой и терпением. Они есть, поверь мне. Гены – великая сила. Максим и сам о них не знает, потому что ещё никто не брался за поиски. Ведь, – смеется она, – никто не проходил столько уровней, как ты! Два месяца для Максима – внушительный срок.

– Это не ответ.

Маргарита задумывается и опускает глаза.

– Ты мне правда нравишься, Азалия. – усмехается она с заметной грустью. – Впервые вижу тебя, но во мне уже борются два противоречащих друг другу желания.

– Почему вы назвали Максима жестоким? – повторяю я свой вопрос.

– Я хочу, чтобы ты всё-таки обзавелась лопатой и рыла яму день и ночь, пока на дне не появится яркий свет. Потому что я верю, что он есть. И способна на это не двадцатилетняя девица, падкая на красивое личико и мускулы, – закатывает она глаза. Задержав взгляд на проходящей мимо взрослой паре, Маргарита снова смотрит на меня, но теперь с заметной обеспокоенностью в глазах. – Но ещё я хочу, чтобы ты держалась от Максима подальше. Пока будешь искать лучшее, что в нем есть, не заметишь, как он сделает тебя слабой, беззащитной и в итоге подчинит твой разум своей воле. В этом и проявляется его жестокость. Максим – настоящий охотник. И я ничуть не преувеличиваю, – криво улыбается она. – Но настанет день и кто-то обязательно спустит его на землю. Тот, кому он сделает так больно, что единственным спасением станет месть. Все говорят, что это не выход, что это проявление человеческой слабости, но черта с два! – смеется Маргарита. – Мечь – это блюдо, которое подают холодным. Уж я-то знаю.

– ... Маргарита, что вы имеете в виду?

– Так, – усмехается она, глянув на стеклянное здание, –

мысли вслух. Иногда я бываю очень странной.

— Не то слово, — с сомнением оглядываю её. — Не то слово.

* * *

Не один раз я пытаюсь вернуться к разговору о Максиме, но Маргарита старательно переводит тему в самую далекую от него сторону. Да и во время расслабляющего массажа болтать не особо хочется. Особенно, когда на соседнюю кушетку ложится Сара, а её тело мнет молодой и загорелый парень. Либо он действительно прилагает немалые усилия, раз она частенько постанывает, будто ей то больно, то хорошо, либо снова пытается произвести на кого-то из нас впечатление своим неповторимым вокалом.

Смотрю в пол через круглое отверстие для лица и представляю родителей Максима. Вероятно, оба были чертовски привлекательными, раз им удалось смастерить такого красавца-сыночка. Я представляю, какими были Маргарита и Петр, которого оказалось так легко увести из серьезных отношений. Но судьба обошлась с ним весьма жестоко. Мало того, что он женат на Саре, которая, бедняжка, одно место надрывает, дабы напомнить о своей принадлежности к самому высочайшему обществу нашего города. Так ещё и Маргарита вышла замуж за его лучшего друга и уже двадцать лет они «дружат» семьями. Очевидно, что Петр по-прежнему любит Маргариту и хранит в памяти счастливые дни и

страстные ночи, проведенные с ней, но а ей же эта любовь даром не сдалась. Как ни крути, а Сара прекрасно понимает мысли и желания своего мужа, потому и терпеть не может Маргариту, которая теперь навсегда останется в их компании. Забавно, что для такой азартной и хитроумной особы она ещё не разработала план по уничтожению крепких дружеских отношений между Петром и Олегом. Тогда бы проблема в лице Маргариты канула в небытие. Занимательная Санта-Барбара.

– Сара, напomini, какой завтра цвет? – спрашивает Маргарита расслабленным голосом.

– В последнее время тебя часто подводит память, – отвечает та, не забывая постанывать. – То про игру в гольф ты забыла, то про мои именины. Теперь и не помнишь, что было указано в пригласительном.

– Дурацкой игре в гольф я предпочла загородный отдых с любимым мужем, а твои именины случаются несколько раз в год. У меня нет старческой привычки каждый день отрывать листочки в толстом календаре, читать бестолковые анекдоты и список имен, у которых в этот день именины. А пригласительное, должно быть, случайно выбросила моя помощница.

– Советую тебе быть к ней жестче и требовательнее. Иначе на шею сядет.

– Надо бы выписать ей премию, – усмехается Маргарита. – Рина умело фильтрует важное от мусора.

Не сдерживаюсь и издаю смешок.

– Гости приходят в черном! – отвечает Сара, повысив голос. Будто хочет стереть из Вселенной мой смешок. – А само торжество и я – в красном.

– Красном? – удивляется Маргарита. – Неужели ты хочешь выглядеть, как кровь на снегу? У тебя ведь такая бледная кожа!

– Но это лучше, чем желтый или золотой на снегу, верно? – вставляю я, повеселив Маргариту. – Прошу прощения, но я не взяла с собой ничего столь траурного цвета.

– Только недалекий человек может думать, что черный – это траурный цвет! – фыркает Сара.

– Я с вами полностью согласна. Но, когда гостям говорят, что нужно облачиться в черное, волей не волей думаешь, что намечаются похороны. Надеюсь, вы не будете против, если я появлюсь в белом?

– Белый выделяется на черном, – сквозь зубы говорит Сара.

– Разумеется. Это ведь два противоположных друг другу цвета. Но! – Поднимаю голову и смотрю на Сару, которая (надо же!) тоже таращится на меня, пока её мнет паренек. – Это идеальное сочетание.

– Азалия, вы что, читать не умеете? Или у вас недостаточно финансовых возможностей, чтобы позволить себе маленькое черное платье?

– Читать я умею, – подмигиваю ей с улыбкой. Мое поведение заметно раздражает Сару. – Должно быть, Максим слу-

чайно выбросил приглашительное, посчитав конверт за очередное рекламное предложение.

– Милочка, я отдала конверт ему лично в руки. Он красный, из дорогой бумаги, на какую ни одна дешевая контора не раскошелится. Очевидно, Максим не собирался вас с собой брать, как и сообщать о дресс-коде. Может, он уже давно собирается расстаться с вами, – со вздохом говорит она и опускает голову.

– Наверное, именно поэтому он предложил мне переехать к нему, – усмехаюсь я, опустив голову. – Вы правы, Сара.

– Что сделал? – переспрашивает она.

– Сара, тебе стоит обратиться к отоларингологу, – хмыкает Маргарита. – Уже который раз тебя подводит слух.

– Достаточно! – командует Сара своему массажисту. Поднимаюсь на локтях, понимая, что она собирается снова накинуться на меня. – Что ты сказала?

– Мы уже на «ты»? – поднимаю я бровь. – Хорошо. Так даже проще. Я говорю, что Максим предложил мне жить вместе.

– По-моему, это потрясающе! – радуется Маргарита. – Ваши отношения переходят на новый уровень.

– Верно, – киваю я, не сводя глаз с Сары. Даже тусклый желтый свет в этой комнате не способен хоть немного «подкрасить» её белую фарфоровую кожу. – Кстати, я согласилась и переехала к нему.

– Что ж, на большее не рассчитывай. Поиграется, как со

всеми предыдущими, и выбросит за ненадобность.

– Меня? – делано удивляюсь я с самоуверенной улыбкой. – Выбросит? Сами-то верите, что говорите?

Кивком благодарю свою массажистку за предложенный мне белый халат. Без всякого смущения сбрасываю полотенце на кушетку, представ перед Сарой во всей своей красе, и с нарочной медлительностью надеваю халат.

– Я буду в белом, – не говорю, а предупреждаю. – Приятного вам отдыха, тетушка.

Каждый мужчина представляет опасность для женщины. Маньяки, насильники, женоненавистники, абьюзеры и даже хорошие, милые, добрые и радушные представители сильной половины человечества. Знакомясь с кем-то в социальных сетях или даже за барной стойкой, женщина, как бы старательно не напоминала себе об осторожности, хочет верить, что за маской обаятельного красавца не скрывается сумасшедший, который получает удовольствие от физического и психологического насилия над женщинами. Она забывает о самой ранимой и хрупкой части себя, потому что страх перед физической болью намного страшнее, чем перед той, что невозможно увидеть воочию.

Если мужчина разобьет любящее женское сердце, оно не рассыпется у нее на глазах на миллионы осколков. Если он растопчет её гордость, запятнает репутацию, нагадит в душу, лишит чувства самоуважения, это не отразится кровавыми порезами на коже или болезненными черными синяками. Это останется с ней, внутри нее, будет мучить, терзать, наносить удар за ударом по внутренностям, пока в конечном итоге она не упадет на колени и не признается себе, что её батарейки окончательно разрядились.

Если бы я была той, кто каждое утро выступает с пятнадцатиминутной речью перед всеми женщинами нашей пла-

неты, я бы повторяла одно и то же: берегайте всю себя, но без фанатизма. Сердце, душу, свои принципы, свое мнение, идеи, цели, намерения, мечты. Не имеет значения, влюблены вы, замужем ли вы, есть ли у вас всё, о чем только можно мечтать — помните, что вы у себя одна и жизнь может перевернуться по щелчку пальцев. Будьте самодостаточны и независимы от мужчины в психологическом и материальном плане. Определите для себя границы, за которые он не сможет зайти. Или, за которые вы сами не посмеете выйти. Например, мои колышки вбиты там, где заканчивается поверхностная симпатия, исключая глубину доверия и глубину интереса к жизни мужчины. Что за этой границей мне неизвестно. И узнавать я не собираюсь.

Не собираюсь, потому что меня это не интересует.

Потому что это лишнее.

Потому что любопытство до добра не доводит.

Смотрю в экран своего телефона. Фотография Максима, сделанная, по всей видимости, на одном очень серьезном мероприятии, приковывает мой взгляд. Он смотрит в камеру, на нем черный костюм и белая рубашка, а в руке широкий стакан из толстого стекла. Его взгляд, обрамленный темными густыми бровями и двумя глубокими складками над переносицей, по-настоящему настораживает. Но в той же степени возбуждает, что совершенно неудивительно. Опасность в его серых глазах подобна алмазу, омываемому чистейшей водой бурной реки.

Смахиваю веб-страницу вверх, пробегая глазами по тексту.

«MART открывает новое будущее: пассажирский самолет, которому нет равных» – гласит заголовок статьи.

Ввожу в поисковике название компании, а минутой позже узнаю, что Григорий Март, её основатель и дедушка Максима, год назад передал бразды правления единственному внуку. Сам мужчина преподает астрофизику в одном из ведущих университетов страны и принимает активное участие в телевизионных передачах в качестве эксперта по военно-транспортной авиации.

«Март Максим Матвеевич, 33 года, неженат. Генеральный директор и владелец авиастроительной компании MART...»

Самолеты MART! Конечно же! Обалдеть, Максим конструирует «марты»!

Получил три высших образования, одно из которых в Европе. Пошел по стопам деда и отца. О матери в статье ничего не сказано. Разве что о трагической гибели родителей на крупнейшем в городе мосту.

Открываю другой сайт, но и там информация о семье Март сухая и поверхностная, что очень странно, учитывая, что деятельность этой семьи известна всей стране.

– Ты уже вернулась?

Телефон выскальзывает из моих рук и падает на пол. Я тут же поднимаю его, чтобы Максим не увидел свою фамилию

на экране.

– Да. – Прочищаю горло и блокирую экран. – Какие-то проблемы?

– Что ты сразу нападаешь на меня? – усмехается он, доставая из своего командировочного чемодана большой iPad. – Как провела время?

– Супер. Твоя тетушка меня не переносит.

– Очевидно, что это взаимно, – смотрит он на меня.

– Она это знает, – натужно улыбаюсь я, оборонительно сложив руки на груди.

– Подожду тебя у бассейна, – говорит Максим. – Пока будешь собираться, я поработаю.

– Собираться куда? – хлопаю я глазами.

– В ресторан под открытым небом для двоих, – напоминает он с улыбкой. – Если, конечно, ты не хочешь присоединиться ко всем у большого бассейна?

– Не хочу.

– Я тоже, – кивает он, не сводя с меня глаз. – Поэтому, давай спокойно поедим и подышим свежим воздухом.

Максим выходит на террасу с бассейном и закрывает за собой стеклянные двери. Я вижу, как он садится на двухместный диван из ротанга и, вынув из чехла стилус, с видом самым сосредоточенным и серьезным принимается за *работу*. Рисует, чертит, закрашивает – всё, что делает Максим сексуально и соблазнительно. Напоминаю себе, что физическое притяжение не предусматривает разговоры по ду-

шам, поэтому мы просто поедим, а, когда вернемся, воплотим жаркие фантазии в реальность.

* * *

В сотый раз ловлю себя на мысли, что мне нравится, *как* Максим смотрит на меня. На мне короткое летнее платье из белого льна на тонких бретелях и открытой спиной. Оно простое, но изящное и сексуальное, а основная его игривость заключается в расклешенной юбке. Мои распущенные волосы ласкает нежный и теплый ветерок, но даже его ощутимые поглаживания несравнимы с наблюдательностью мужских глаз, оставляющих на коже невидимые ожоги.

Официант наливает в бокалы белое вино и ставит на стол закуски из фруктов, орехов и сыра. Он говорит, что через десять минут принесет наш ужин и, пожелав приятного вечера, исчезает за карликовыми пальмами.

Поднимаю глаза. Небо темное, звезд не видно, а белые фонарики на четырех бамбуковых столбах колышет ветер.

– Будет дождь, – говорит Максим и поднимает бокал. – За тебя.

– С чего вдруг? – усмехаюсь я, взяв свой.

– С того, что я так хочу. – Максим ударяет своим бокалом о мой и пробует вино на вкус. – Как прошел день?

– Познавательно. А у тебя?

– Как и всегда: размеренно и спокойно. За исключени-

ем пары моментов. – Он нарочно так соблазнительно уводит взгляд в сторону или мне просто кажется?

– Почему ты мне не сказал, чтобы я взяла с собой черное платье?

– Не понял.

– Твоя любимая тетушка указала в пригласительном, что гости должны прийти в черном. Ты не сказал мне.

– Пригласительное куда? На похороны? – хмыкает он, забросив темный виноград в рот. – Я не понимаю, о чем ты. – Мои губы трогает улыбка. Прячу смеющиеся глаза за бокалом, хотя понимаю, что Максим прекрасно видит мое настроение. – Это проблема?

– Вовсе нет. Мне пришлось сказать ей, что ты предложил мне жить вместе и я согласилась. Это проблема?

– Вовсе нет, – смотрит он на меня. – Мы ведь «уже живем» вместе. – Терпеливо вздыхаю, коротко кивнув. – Почему тебе пришлось так сказать?

– Потому что твоя тетушка охраняет тебя, как цербер, и отказывается видеть во мне твою девушку.

– Значит, ты этого действительно хочешь?

– Нет. Сара мне просто не нравится. Она холодная и неприятная женщина. Несмотря на эффектную внешность, внутри она сырая, бесчувственная и совершенно не располагающая к себе особа.

– Это называется «женская мудрость».

– Это называется «неприятная женщина», – поднимаю я

бровь, приказывая себе не вспоминать слова Маргариты. Но чем больше я вижу несогласия в глазах Максима, тем сильнее становится мое желание доказать ему очевидное. – Мудрость проявляется иначе.

– И как же?

– Мудрая женщина не сует нос в чужую жизнь. Даже, если это её единственный племянник, чья девушка ей категорически не нравится.

– Тебя это задевает?

– В плане человечности да, – честно отвечаю я. – Я считаю ненормальным, когда взрослая женщина позволяет себе колкости в адрес девушки, которую по сути видит впервые и демонстрирует ей степень своего влияния на тебя. Это как-то по-собачьи что ли – метить территорию. А в плане нашей с тобой договоренности – мне всё равно.

– «Степень влияния на меня»? – усмехается Максим. – В этом мире нет никого, кто бы мог хоть как-то на меня повлиять.

– Сара так точно не думает.

– Плевать, что она думает, – бросает Максим, откинувшись на спинку стула. – Я не хочу говорить ни о ней, ни о ком-либо другом. Кроме тебя.

Максим похищает мой взгляд. Он ласкает его, убаюкивает, как ребенка, и оставляет нежный поцелуй на моих ресницах.

– Зачем ты так говоришь? – часто моргаю я.

– Я хочу узнать тебя, – полушепотом отвечает Максим. – Хочу, чтобы ты узнала меня таким, какой я есть на самом деле.

– Максим, – усмехаюсь, обведя взглядом пространство вокруг, – я не хочу этого. Я не хочу знать о тебе больше, чем предполагает наша легенда.

– Потому что боишься влюбиться в меня? – улыбается он самой очаровательной улыбкой из существующих. Влепляю себе невидимую пощечину, чтобы хоть немного отрезвить мозги. – Не паникуй раньше времени. Просто наслаждайся моментом.

– Я и стараюсь. Только твои разговоры мешают.

– Ты наслаждаешься физической близостью, – говорит Максим, опустив локти на стол. – Просто удовлетворяешь потребности организма. А ты порадуй в себе то, что находится намного глубже.

Официант приходит очень даже вовремя. Пока он ставит на стол тарелки с едой, я успеваю сотню тысяч раз напомнить себе, что не желаю знать о Максиме ничего, что способно затянуть меня в пропасть. Потому что Максим – она и есть. Я уже заглянула туда, когда побывала на просторах Интернета.

– Я обожаю свою работу, – вдруг говорит Максим, нарезаая обжаренное мясо на ровные кусочки. – Мне нравится ставить перед собой цель и добиваться её. Я считаю, что процесс приносит намного больше удовольствия и пользы, чем результат. Потому что он короткий и очевидный, заточен в од-

но мгновение, в то время как дорога к нему длинная, порой непроходимая, но увлекательная. А ты как считаешь? Важен процесс или результат?

– Результат, – отвечаю я, немного подумав. – Потому что до него порой невозможно дойти.

– Всё зависит от человека. От его упорства, трудолюбия и желания стать лучшим.

– Не всегда, – улыбаюсь я. – Есть обстоятельства, которые бывает сложно обойти.

– Нужно просто осмотреться, подумать и прикинуть варианты.

Внимательно смотрю на него.

– Ты с трудом терпишь мнение не схожее с твоим, да?

– Когда я знаю, что прав, любая попытка убедить меня в обратном нелепа.

– Ты хотел сказать нелеп сам человек, а не его попытки, – улыбаюсь я опустив глаза. – Кажется, твоя работа сделала из тебя человека весьма бескомпромиссного с вот таким чувством собственной важности.

– Ты ошибаешься, – улыбается Максим.

– Разве ты не заметил, что мы постоянно спорим друг с другом?

– Значит не один я бескомпромиссный.

– Разница в том, что я могу промолчать, сделать вид, что не заметила, уступить, в конце концов.

– Ты и промолчать? – хмыкает Максим. – Верится с тру-

дом.

– А ты не можешь, – продолжаю я, не обращая внимания на его веселье. Отправляю в рот кусочек запеченного перца. – Потому что ты такой же холодный и бесчувственный, как твоя любимая тетушка.

– Наш разговор снова вернулся к Саре. Почему? Она ведь тебе не нравится.

– Мне и ты не нравишься, – пожимаю плечами. – Но я сижу здесь, ужинаю с тобой и сдерживаю себя от грубых колкостей в вашу с тетушкой сторону.

Он снова улыбается, а его манящий взгляд ускользает от меня, как песок сквозь пальцы.

– Я знаю, что это не так, Азалия, – говорит Максим, опустив вилку и нож на тарелку. – Я очень даже нравлюсь тебе.

– Очередная самонадеянность.

– Непокколебимая уверенность, – подмигивает он мне. – Не противься чувствам и желаниям.

– Ого! – смеюсь я. – Ты уже и о моих чувствах и желаниях знаешь!

– А что тут не знать? Я тебе нравлюсь, – повторяет он, глядя в мои глаза. – В этом причина твоего раздражения.

Единственное, что я умудряюсь сделать, так это издать короткий и полный накалившихся нервов смешок.

– Расскажи о своей жизни до смерти отца и сестры? – просит Максим после продолжительной паузы. – Пожалуйста.

Долго и упрямо смотрю на него, пытаюсь понять, что скры-

вается за асфальтовыми глазами. И как только у него получается за секунды меняться в лице?

– Моя жизнь была беззаботной и счастливой, – коротко отвечаю я, пряча от него взгляд. – Это всё.

– В чем заключалось счастье?

Не сдерживаюсь. Издаю такой смешок, словно передо мной пятилетний мальчишка, задающий добрые и глупые вопросы.

– В том, что у меня есть семья. Большая, полноценная и тоже счастливая. У меня есть свое пространство для жизни и творчества. Мои мечты осуществимы. Реальность их исполнения – лишь вопрос времени. У меня есть машина, – невольно улыбаюсь я, вспоминая то самое чувство. – Если мне нужно проветрить мозги, я просто сажусь за руль и еду, куда глаза глядят. Никаких гонок и экстремального вождения, просто еду. Спокойно, уверенно и под хорошую музыку. И я позволяю себе быть наивной.

Посмеявшись сама с собой, поднимаю бокал и выпиваю остатки вина. Всего один вопрос, а я уже размякла под натиском добрых, но таких грустных воспоминаний.

– Почему ты сейчас запрещаешь себе быть наивной?

Поднимаю на Максима глаза. Его внимательный и искренне пытающийся понять меня взгляд... подкупает. Он не смеется надо мной, не веселится, не пытается сообразить колкую шуточку. Сейчас Максим будто обнажает передо мной себя. Настоящего. Неподдельного. Человека, умеющего чув-

ствовать многое.

– Потому что с ней невозможно смотреть на мир трезвыми глазами и быть ко всему готовой. В нашем доме живут четыре женщины, – усмехаюсь я. – Кому-то нужно оставаться серьезнее и хотя бы стараться быть прагматичнее. С последним, правда, у меня беда.

– О чем ты мечтала?

– Запустить собственный бренд одежды, – улыбаюсь я. – Разработать коллекцию, устроить показ, гостями которого стали бы не последние люди в городе. Эту уверенность во мне подпитывал папа. Я знала, что он поможет. Как и то, что у меня получится удивить и завоевать публику.

– А что изменилось теперь? Помимо того, что твоего отца больше нет. Ты стала сомневаться в себе? Или дело в отсутствии материальной поддержки?

– Чтобы достичь цели, нужно хорошо заплатить за дорогу, – усмехаюсь я, глянув на него. – Уверенность в себе и финансы – вещи неразделимые, если стремишься к успеху.

– А если рассчитывать, что только финансы способны привести к успеху, непременно ждет провал.

– Точно, – улыбаюсь я.

– Вот видишь, мы всё же умеем думать одинаково. – Улыбаемся друг другу, Максим наполняет наши бокалы и поднимает свой. – За тебя. Твои мечты скоро сбудутся, ведь главное из двух составляющих у тебя уже есть. Осталось дело за малым.

Тихонько ударяемся бокалами и продолжаем смотреть друг друга в глаза, смакуя вино.

– Какая у тебя была машина? – спрашивает Максим, продолжая есть.

Поднимаю на него глаза, с трудом скрывая улыбку.

– Что? – улыбается он.

– Красивая, – уклончиво отвечаю я.

– В этом я ничуть не сомневаюсь, – смеется он. – Позволь, угадаю?

– Пожалуйста!

Максим смотрит на меня так, словно пытается подобрать подходящий к моей внешности автомобиль.

– Это Audi, – без толики сомнения заявляет он. – Наши вкусы совпадают.

– Единичный случай.

– Продала из-за долгов?

– Не совсем. Когда папа и Лиана погибли, у мамы была затяжная депрессия. Она во всем видела угрозу для жизни. Даже в садовой лопате, которая просто лежала на земле. Она возненавидела мою машину, потому что та казалась ей слишком мощной и опасной для меня и всех в принципе. Я продала её. Взяла на вырученные деньги то, на чем езжу сейчас, а другую её часть потратила на путешествие по Европе. Они с бабушкой развеялись. Чуть больше месяца провели за границей, а я осталась с Розой. Они вернулись отдохнувшими, как будто оставили всю боль и тяжесть утраты там,

далеко-далеко. А в смешные кредиты я влезла, потому что боялась, что это их состояние может вернуться, если его... не отгонять отвлекающими маневрами.

– Подарками в виде вазы за двадцать девять тысяч? – предполагает Максим, заглядывая в мои глаза.

– Что-то типа того, – усмехаюсь я. – Это глупо, согласна. Но я не знала, как им помочь жить после этого всего и... Неважно.

Максим не поймет меня. Он лишился родителей, будучи слишком маленьким, чтобы понимать, насколько это больно и невыносимо. Мне, конечно, мало что известно о нем, но я не думаю, что он испытывает тоску по людям, которых не помнит.

– А ты? – Максим смотрит на меня. – Кто и что помогло тебе?

– Заботы, – отвечаю я полушепотом. – О Розе, о маме и бабушке. Когда хочешь, чтобы родным людям было хорошо и спокойно, ищешь пути и возможности. План выстраиваешь, – усмехаюсь я. – А с этими поисками собственные печали уходят на второй план.

– Значит, ты готова жертвовать собственными интересами ради других людей? – спрашивает Максим с таким видом, словно ему не до конца понятны мои мотивы.

– Не «других», а *родных* мне людей, – исправляю я, внимательно наблюдая за мужским лицом. Оно застывает в гримасе сомнений и непониманий, которые лично у меня вызы-

вают слишком много вопросов. В мыслях молниеносно проносятся слова Маргариты о детстве Максима. – Людей, которых я люблю. Тебе ведь это не знакомо, верно?

– Само слово «жертва» несет в себе негатив и вынужденность. Обстоятельства принуждают тебя делать то, чего ты делать не хочешь.

– Да, я не хотела продавать свою машину, потому что это была память о моем двадцатилетии. Я не хотела уезжать из города, где у меня был свой угол и возможность не отвлекаться на разговоры, чаи, кофе, детский сад, а уверенно идти к своей мечте. Если бы я не умела чувствовать, у меня бы сейчас была другая жизнь. Я бы ездила на крутой тачке, жила в квартире с зеленой террасой и смотрела на вечерний сверкающий город, наслаждаясь гулом проезжающих машин. Меня это всегда вдохновляло. Я чувствовала себя свободной от забот, которых не знала. Но есть уважение, благодарность и любовь к людям, которые сделали меня и мое детство счастливым. Это есть во мне и оно никуда не денется. Никогда. Это вовсе не жертва и не долг. Это то, как я *люблю* их.

– Настолько, что даже не осознаешь, как много потеряла? Максим определенно не понимает меня. И если бы я не знала о том, что случилось с его родителями, то наверняка не стала бы сейчас искать оправдание его словам, которые воспринимаю за сущий бред.

– Я ничего не потеряла, – произношу так, словно мне

неловко. — Всегда можно вернуться к началу.

А ведь мне действительно неловко говорить об этом с человеком, который так далек от всего того, что дарит, вселяет и чему учит семья. До этой минуты я даже не осознавала насколько Максим одинок и пуст. В нем есть только внешняя оболочка и неудержимое стремление работать, а что за этим завидным фасадом... Нет, это не мое дело. И вообще я уже достаточно наговорила лишнего.

— Раньше ты жила в городе? — спрашивает Максим, сохраняя задумчивость.

— Да, — коротко отвечаю я и оглядываюсь в поиске официанта. — Если ты не против, я бы хотела уйти.

— Хорошо, — соглашается Максим без лишних вопросов, что очень удивительно для его командирской натуры.

Официант предлагает нам взять с собой вкуснейший десерт. Пока ждем, когда он принесет его, Максим отвечает на телефонный звонок и использует в своей речи замысловатые термины, смысл которых навсегда останется для меня тайной. Поймав себя на мысли, что даже это способно всколыхнуть мои облака, я начинаю раздумывать над тем, что скажу маме с бабушкой послезавтра. Нужно найти правдоподобное объяснение нашему с Максимом расставанию, чтобы у обеих не поднялось давление от переживаний. В конце концов, я упоминала, что у нас не серьезно и я не вижу дальнейшего развития этих отношений. Очень надеюсь, что очарование Максима не до конца затмило им разум и они ещё помнят

о моих словах.

Когда нам приносят белую коробку, перевязанную синей лентой, мы, наконец, поднимаемся и выходим из небольшого цветущего сада, украшенного россыпью крошечных белых огоньков. Наши с Максимом плечи касаются друг друга, потому что идем мы по узкой шероховатой тропинке, а над головой по железной арке вьется дикий виноград. По правде говоря, я чувствую себя той самой Азалией, которая лет девять назад бегала на свидания и судорожно соображала в уме, о чем бы ещё таком интересном поговорить с парнем, который ей нравится?

Но сейчас-то всё иначе, напоминаю я себе. Во-первых, с парнем ты отлично покувыркалась несколько часов назад, причем трижды. Во-вторых, не парень он тебе вовсе, а так знакомый на пару ночей. А, в-третьих, он тебе совсем не нравится, так что не напрягайся и наслаждайся затянувшимся молчанием.

– Ты очень красивая, – произносит Максим совершенно другим голосом. То есть, он, конечно же его, но сам тон и звучание... Если бы я не знала, каким дерзким и требовательным бывает Максим, то решила бы, что он впервые говорит эти слова девушке. Или говорит их от сердца, а не потому что от них она точно растает и секс не заставит себя долго ждать. – Странная, смешная, строптивая, сумасшедшая, но... – хмыкнув, он поворачивает ко мне голову, – однозначно неповторимая.

– Комплименты на меня не действуют. – Очень даже действуют, черт возьми. – Какими бы расчудесными они не были.

Моя фальшивая улыбка остается незамеченной, потому что Максим продолжает смотреть себе под ноги. Мне тут же становится совестно, ведь я попыталась испортить минутку пробной и, честно говоря, до мурашек милейшей романтики. Но тут же, подобно рою обозлившихся на незваного гостя пчел, моя защита больно жалит, напоминая об опасности связи с мужчиной, от которого мне советуют держаться подальше, потому что он...

«Охотник» – слышу я голос Маргариты.

«В игре» – напоминает о себе Нелли.

«Поиграется, как со всеми предыдущими, и выбросит за ненадобность» – заключает голос Сары, который оказывается самым для меня отрезвляющим.

Я и без советчиков прекрасно знаю об этом, но почему-то последние слова Максима рискуют остаться во мне на весьма длительное время, потому что мне действительно приятно их слышать.

У двери нашего бунгало стоит парочка.

– А вот и твои любимые дядя и тетушка, – брякаю я шепотом. – Как мило с их стороны пожелать нам спокойной ночи.

Стоит нам свернуть на узкую каменистую тропинку, ведущую к бунгало, как Максим берет меня за руку и притягивает к себе. Я успеваю поймать его расслабленный взгляд прежде, чем наши языки сплетаются в страстном поцелуе. Возбуждение молниеносно охватывает безмятежное сознание. Только что я сидела в крошечном паровозике и медленно поднималась на вершину аттракциона, а теперь лечу вниз на бешеной скорости. Мои пальцы поглаживают колющее мужское лицо и останавливаются на горячей шее. Нас прерывает едкое женское «кхм», которое буквально просачивается между нами, как режущий глаза дым.

– Ох! – с деланным удивлением гляжу я на улыбчивого Петра и кривую физиономию Сары. – Простите нас. Милый, мы так увлеклись, что не заметили гостей!

Рассчитываю, что Максим тут же подыграет мне, но он продолжает молча с привлекательно-задумчивой улыбкой любоваться мной.

– Это вы нас извините за поздний и, вероятно, неудобный визит! – с пониманием в добрейшем взгляде говорит Петр. Он обнимает любимую жену одной рукой, будто бы

демонстрируя нам, что прекрасно понимает наши с Максимом желания и чувства. – Сара предложила заглянуть к вам и узнать, как прошел ужин?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.